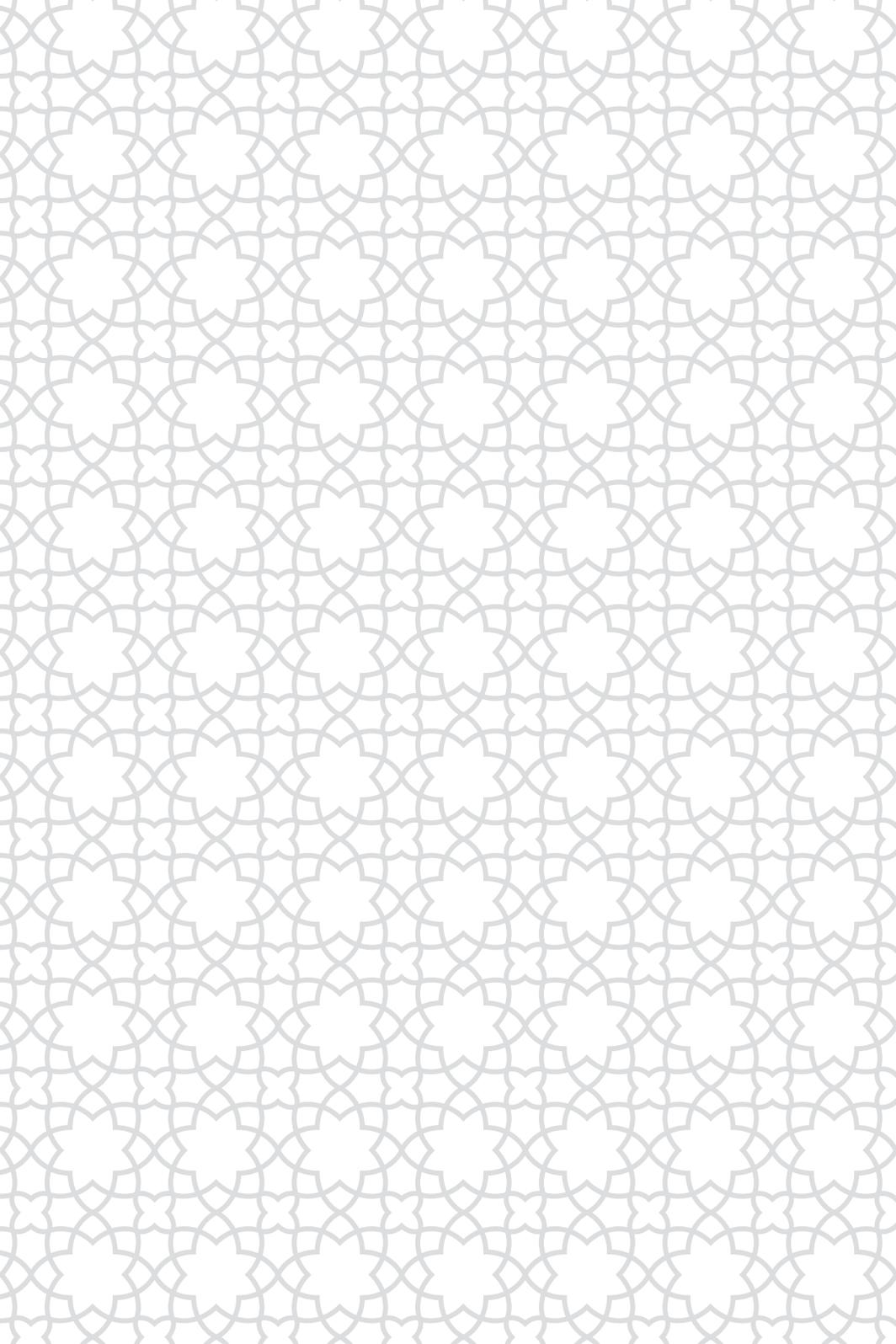

Содержание

Пролог	9
Глава 1. Кафе	17
Глава 2. Основы Египта	47
Глава 3. Кулинария	73
Глава 4. Бизнес и менеджмент	101
Глава 5. Беременность и воспитание детей	141
Глава 6. Классика	171
Глава 7. Искусство и дизайн	201
Глава 8. Самосовершенствование	231
Эпилог	260
Благодарности	269
Об авторе	271

ПРОЛОГ

В 1981 году, когда члены «Братьев-мусульман»¹ убили президента Египта Анвара Садата и к власти пришел вице-президент Хосни Мубарак, мне было семь лет. В 2011 году, когда Мубарака отстранили от власти, я занималась продажей книг, у меня было десять книжных магазинов, сто пятьдесят работников, две магистерские степени, один бывший муж (далее — Номер Один), один нынешний муж (Номер Два) и две дочери и мне было тридцать семь.

Но наша история начинается задолго до революции в Египте и серии восстаний, известной как «арабская весна». Большую часть своей жизни я прожила на Замалеке, острове на реке, протекающей через пустыню, — его координаты: 30° северной широты, 31° восточной долготы. Замалекек, район на западе Каира, раскинулся посреди Нила. Согласно легенде, Каир получил свое название в честь взошедшей над ним в день его основания планеты Марс, по-арабски — ан-Наджм аль-Кахир. Арабское название Каира — аль-Кахира, то есть «покорительница».

На главной пешеходной и автомобильной дороге Замалека, улице Двадцать шестого июля, стоят две постройки под названием «многоквартирные дома “Балер”», похожие друг на друга как сестры. Их высокие потолки, внутренние дворы и лепнина на стенах свидетельствуют о былом величии.

¹ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года организация «Братья-мусульмане» признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

Теперь же компрессоры кондиционеров намертво вцепились в балконные ограждения, висящие провода облеплены грязью и обрывками бумажек, под палящим солнцем болтается выстиранное белье. Вся улица пестрит вывесками разных заведений: антикварная лавка «Нуби», кофейня «Чилантро», Thomas Pizza, «Банк Александрии» — и на углу книжный магазин с большим окном, Diwan — тот самый, который мы с сестрой Хинд открыли в марте 2002 года. В последующие годы мы с Хинд открыли еще шестнадцать (и закрыли шесть) филиалов по всему Египту, но каждый наш магазин повторял облик этого — нашего флагмана, нашего первенца.

Мы с Хинд задумали Diwan однажды вечером в 2001 году, за ужином с нашими старыми друзьями Зиядом, Нихал и ее теперь уже бывшим мужем Али. Кто-то задал вопрос: «Если бы вы могли делать все что угодно, чем бы вы занялись?» И мы с Хинд дали один и тот же ответ. Мы бы открыли в Каире новый книжный магазин, первый в своем роде. Незадолго до этого наш отец скончался от беспощадной болезни — бокового амиотрофического склероза. И мы обе, с ранних лет любившие чтение, искали утешение в книгах — но современных книжных магазинов в нашем городе не было. На рубеже двух тысячелетий издательское дело, дистрибуция и книготорговля в Египте находились в упадке, к которому привели десятки лет неудавшегося социализма. Начиная с правления Гамалы Абдель Насера, второго президента Египта, и потом, при Анваре Садате (третьем) и Хосни Мубараке (четвертом), государство не справлялось с резким ростом населения — и это в итоге обернулось безграмотностью, коррупцией и сворачиванием инфраструктуры. В попытках подавить инакомыслие каждый политический режим брал культурную деятельность под свой контроль. Писатели превратились в госслужащих, а бюрократия медленно и планомерно раздавила литературу. Создавалось впечатление, что в Египте не осталось

тех, кому хотелось бы читать или писать. Казалось, во времена такой культурной атрофии открыть книжный магазин было практически невозможно — и вместе с тем это было совершенно необходимо. К нашему удивлению, друзей эта идея захватила не меньше, чем нас. И в тот вечер мы стали пятью партнерами по бизнесу: Зияд, Али, Нихал, Хинд и я. Потом мы несколько месяцев без усталости обсуждали новый проект, налаживали связи и строили планы. А затем Хинд, Нихал и я приступили к работе. И благодаря нашему совместному труду стали названными сестрами, тремя хозяйками Diwan.

Мы с Хинд и Нихал совершенно разные люди. Хинд — закрытая и бесконечно преданная, Нихал — высокодуховная и щедрая, а я — человек дела. Став бизнес-партнерами, мы все старались проявить в работе свои лучшие качества, хотя зачастую нам это не удавалось. Мы разделили обязанности в соответствии со своими склонностями и пристрастиями: Хинд и я лучше разбирались в книгах, а Нихал лучше налаживала контакт с людьми. Впрочем, это разделение никогда не было строгим и однозначным. Всех нас объединял язык. И все наше внимание и весь наш труд были посвящены словам. Мы гордились египетской культурой и хотели ею делиться. У нас не было бизнес-плана, не было склада, но не было и страха. Мы были смелыми из-за отсутствия опыта: мы не знали, с какими трудностями нам придется столкнуться. Мы были молодыми женщинами: мне было 27, Хинд — 30, а Нихал — 40. В следующие два десятка лет нашей троице пришлось пройти рука об руку через браки, разводы, рождения и смерти. Нам довелось испытать все тяготы ведения бизнеса в патриархальной стране: прокладывать свой путь через домогательства и дискриминацию, обхаживать деспотичных бюрократов и по ходу дела разбираться в правилах египетской цензуры.

С самого начала мы знали, что наш магазин не должен выглядеть пережитком прошлого. Все в нем должно было

служить определенной цели. Каждый аспект должен был быть обоснован, начиная с названия. Однажды за обедом наша мать, Фаиза, терпеливо слушала, как мы с Хинд бьемся над этой проблемой. В конце концов устав слушать наши предложения и желая поскорее вернуться к еде, она сказала: «Диван». Она перечислила значения этого слова: собрание стихотворений на персидском и арабском языках, место встречи, гостевой дом, софа, а также титул. А «дивани» — это вид арабской каллиграфии. Помолчав немного, она добавила, что это слово к тому же читается одинаково что по-арабски, что по-английски, что по-французски. И вновь уткнулась в свою тарелку. Мы были покорены.

Вдохновленные тем, что название наконец найдено, мы обратились к Нермин Хаммам, графическому дизайнеру, также известной как Мину, за помощью в создании логотипа. Мину — всезнающая женщина с едким юмором и широкой, открывающей десны улыбкой — попросила Хинд, Нихал и меня описать *Diwan* так, как если бы это был живой человек. Мы сказали, что наша *Diwan*² и *есть* живой человек и история у нее такая:

Создание *Diwan* было реакцией на мир, в котором до печатного слова никому больше нет дела. Она родилась 8 марта 2002 года, в Международный женский день. Она выходит далеко за рамки того физического пространства, которое занимает. Она принимает и уважает всех, какими бы разными они ни были. Как хорошая хозяйка, она приглашает своих гостей немного задержаться в ее кафе. Она принципиально против курения: она знает, что курение в других заведениях ее страны не возбраняется, но твердо намерена стоять на своем. Ее идеалы благороднее тех, что диктует ее окружение. Она честна,

² Далее автор объясняет, что название *Diwan* — женского рода. — Прим. пер.

но не станет наказывать воров. Она искренна и будет гнать от себя неискренних. Она не любит цифры. Ей не нравится этот мир вокруг, где все делится лишь на черное и белое, и она будет стараться изменить его с помощью книг. Она убеждена, что понятия «Север» и «Юг», «Запад» и «Восток» лишь ограничивают наше мышление, поэтому предлагает книги на арабском, английском, французском и немецком. Она сводит вместе людей и идеи.

Мину превратила наше описание в логотип. Она написала «D-I-W-A» броским черным шрифтом и добавила арабское «N». Эта последняя буква — отсылка к *нун ан-нисва* и *нун аль-инас* — придает прилагательным, глаголам и существительным значение женского рода³. Все слово Мину окружила *таш-киль* — диакритическими знаками.

³ «Нун ан-нисва» и «аль-инас» — термины традиционной арабской грамматики, указывающие на наличие буквы «нун», передающий звук «н», в формах множественного числа женского рода. «Нун ан-нисва» употребляется для обозначения глагольных форм второго или третьего лица, где «нун» выступает единственным показателем женского рода, например «катабу» — «они (мужчины) написали», «катабна» — «они (женщины) написали».

Термин «нун аль-инас» употребляется в тех случаях, когда «нун» добавляется для обозначения женского рода к глаголам или существительным вместе с рядом других букв («та», «ха» или «кяф»). Пример: «китаби» — «моя книга», «китабухунна» — «их (женщин) книга».

Мину не только нарисовала логотип — она создала бренд, способный расти и меняться. Она открыла для Diwan пути распространения: бумажные пакеты, закладки, открытки, свечи, упаковочная бумага, ручки, карандаши и обои. На улицах Каира бумажный пакет Diwan стал символом культурного статуса. Когда в последующие годы я вдруг замечала наши пакеты на лондонских улицах или в нью-йоркском метро, это каждый раз было как удар молнии.

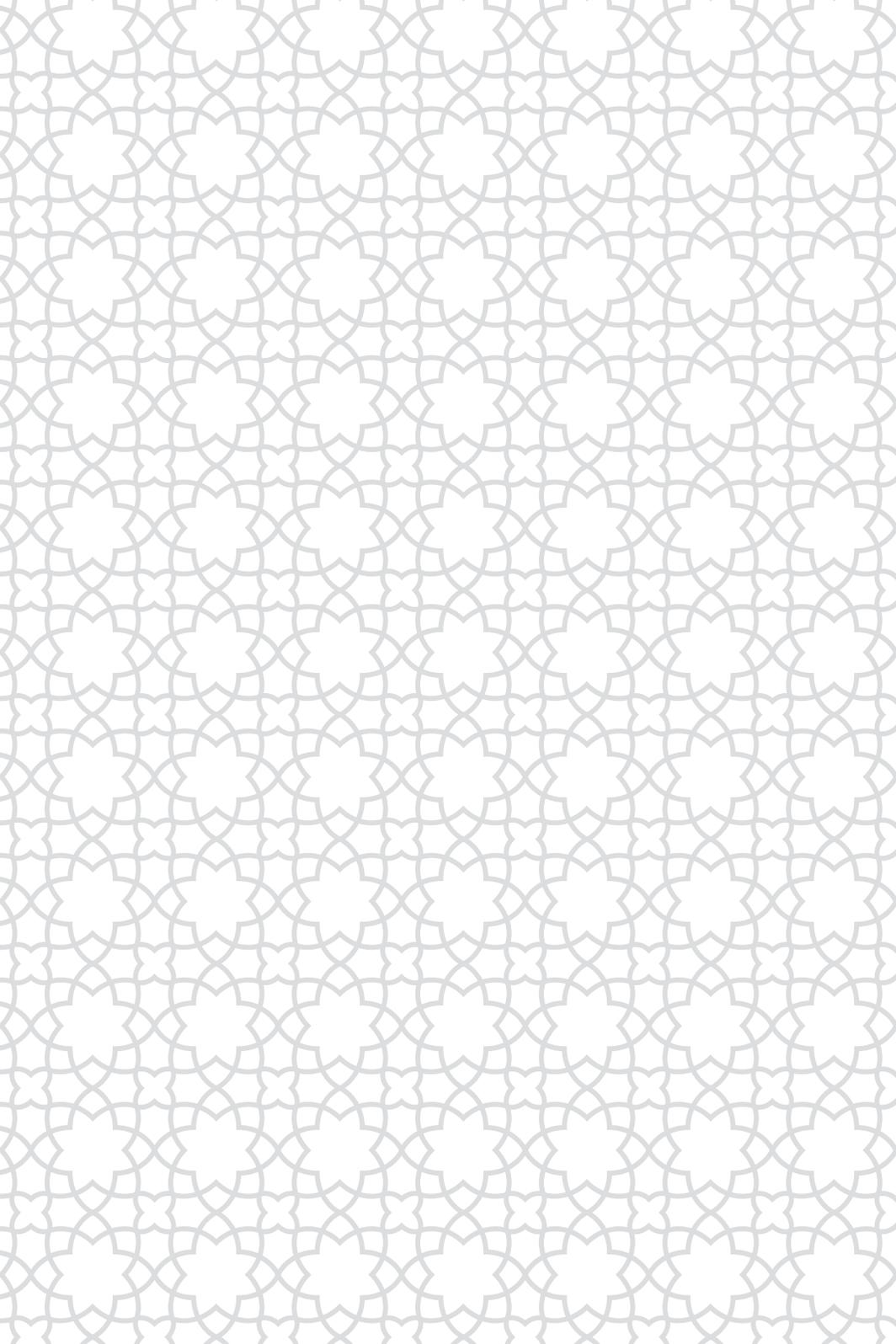
За два послереволюционных года, с приходом к власти «Братьев-мусульман», Каир изменился до неузнаваемости — и я стала подумывать о переезде. Это была страшно болезненная перспектива, но за время управления Diwan в послереволюционном хаосе я исчерпала все свои ресурсы. Я стала осознавать, что, оставаясь в Каире, существую только как приложение к своим магазинам. И высвободиться уже не могу. А значит, после четырнадцати лет, которые я посвятила Diwan, настал момент подвести черту — и я отказалась от должности одного из руководителей сети. После недолгого пребывания в Дубае с Номером Два я, Зейн (которой сейчас шестнадцать) и Лейла (которой сейчас четырнадцать) переехали в Лондон. Хотя я больше не управляю Diwan — мои обязанности взяла на себя Нихал, — мысленно я то и дело возвращаюсь в те годы, испытывая при этом смесь грусти и облегчения.

Хинд, родственная мне душа и моя спасительница, никогда не говорит о тех временах: воспоминаниям она предпочла молчание.

Diwan была моим признанием в любви Египту. Она была для меня составляющей — и мотивом — поиска самой себя, моего Каира и моей страны. А эта книга — мое любовное послание Diwan. Каждая ее глава рассказывает о той или иной части магазина, от кафе до отдела книг по самосовершенствованию, и о людях, которые чаще всего в нем появлялись: о коллегах, постоянных покупателей, стажерах, ворах,

Пролог

друзьях и той семье, которая называла Diwan своим домом. Все, кто когда-либо писал любовные послания, знают, что их цели всегда остаются недостижимыми. В них мы безуспешно пытаемся сделать нематериальное материальным. Мы стараемся избежать неминуемого финала, хотя знаем, что ничто не вечно. Мы решили, что стоит быть благодарными за отпущенное нам время — каким бы коротким оно ни оказалось.

Глава 1
Кафе

Для несведущего прохожего Diwan лишь один из череды магазинов, которые располагаются за причудливо выглядящими многоквартирными домами «Балер». На традиционной синей табличке написано: «Shari 26 Yulyu» («Улица Двадцать шестого июля»). Свою вывеску, с крупными черными буквами, мы повесили на фасад здания. Над входом в магазин нависла жакаранда, будто застывшая в покорном поклоне. Стеклопанельная дверь, выходящая на угол улицы, украшена современными арабо-исламскими орнаментами и снабжена длинной серебряной ручкой.

Зайдя внутрь, вы попадаете в раскаленной, забитой машинами улицы в прохладный оазис. По магазину льются мелодии арабского джаза, Умм Кульсум и Джорджа Гершвина под аккомпанемент механического жужжания кондиционеров. На мощной стене с указателями «Рекомендуем», «Бестселлеры» и «Новинки» — каскады «плавающих» полок⁴, уставленных арабской и англоязычной художественной и нехудожественной литературой. Посетители могут пройти либо направо, в книжный отдел, мимо кассы и канцелярских товаров, либо налево, в отдел мультимедиа, где их ждет тщательно подобранная коллекция фильмов и музыки, жанр которых трудно

⁴ «Плавающие» полки — полки со скрытыми креплениями. — *Прим. пер.*

определить: произведений экспериментальных и классических, восточных и западных.

На этапе подготовки к открытию Diwan я прочитала статью, где говорилось, что, войдя в книжный магазин, люди, как правило, поворачивают направо. Под влиянием этого наблюдения мы расположили книжный отдел Diwan справа. Окна здесь выходят в прилегающий дворик, а не на главную улицу, из-за чего эта часть магазина самая тихая. Лампы накаливания освещают с высоких потолков ряды полок из красного дерева с гарнитурой из матовой стали — сочетание старого и нового. Книги разделены на две категории. Слева — арабские книги, подобранные Хинд. Справа — книги на английском, моя вотчина. Свою скромную коллекцию книг на французском и немецком мы поместили в отдел мультимедиа. За ближайшей дверью расположилось кафе — сердце нашего магазина.

Продавцы-консультанты курсируют по залам в униформе Diwan: это синяя рубашка поло с бежевым логотипом, вышитым слева на груди, и бежевые брюки с зашитыми карманами — во избежание воровства. Они предлагают свою помощь, стараясь отыскать баланс между рвением и профессиональной дистанцией. У нас от персонала всегда требовалось больше усердия, чем в любом другом книжном, — особенно в первое время после открытия Diwan, когда стиль работы нашего магазина был посетителям в новинку. Их замешательство было мне понятно.

До Diwan в Египте существовало три вида книжных магазинов: магазины под не слишком квалифицированным управлением государства, магазины при конкретных издательствах и маленькие местные лавочки, где в основном продавали газеты и канцелярские товары. Государственные магазины произвели на меня самое удручающее впечатление. Будучи студенткой, я ездила на такси в центр Каира, где армяне

когда-то заправляли гильдиями⁵, итальянцы — универсальными магазинами, а греки — продуктовыми. Я ехала по главным улицам своего города, каждая из которых получила название в честь какого-то важного исторического события. (Улица Двадцать шестого июля раньше носила имя Фуада I, первого короля современного Египта. Она была переименована в честь того дня, когда сын Фуада, Фарук, покинул страну на своей королевской яхте в ходе революции 1952 года под предводительством Насера (сына почтового работника) и Мухаммада Нагиба, ставшего первым президентом Египта.)

Приехав в центр, я заходила в магазины, похожие, скорее, на гробницы, где теснились ряды покрытых пылью книг. Полок там было множество, а указателей — почти нисколько. В каждом из этих магазинов, казалось, работает только один человек: мужчина, потягивающий за прилавком чай и сонно шуршащий газетой. Я спрашивала какую-то книгу, и он частично всовывал босую ногу в тапку — так, что потрескавшаяся пятка оставалась снаружи. Не приглушив радио, он вставал со своего места, и в воздух поднимались частички пыли, которые до этого мирно лежали на скрипучих досках пола.

⁵ Речь идет о профессиональных гильдиях (араб. *таифа*) ремесленников и торговцев. Система гильдий укрепилась в Османской империи в XVII веке, однако исследователи находят ее корни в некоторых традиционных институтах предыдущих эпох. Гильдии на мусульманском Востоке фактически были аналогами гильдий в Европе. За отдельными гильдиями могла закрепляться не только профессиональная специализация, но и определенные районы активности. Этноконфессиональный состав гильдий в Османском государстве мог быть разным. Отдельные гильдии объединяли представителей только одной этноконфессиональной общины. Здесь автор имеет в виду, скорее всего, ремесленные гильдии, которые управлялись армянами.

Почему эти магазины были такими ветхими? Тому есть отчасти историческое объяснение. В Египте прошлое соседствует с настоящим, часто незаметно в него вторгается и никогда полностью не исчезает. Открытие Diwan заставило нас вникнуть в историю издательского дела и книготорговли — историю, которая по-прежнему определяла ситуацию в современной индустрии. В 1798 году наполеоновская экспедиция даровала Египту два первых печатных издания, одно на арабском, другое на французском. В 1820 году Мухаммад Али, османский военачальник родом из Албании и отец современного Египта, учредил в районе Булак⁶ промышленную типографию. При его правлении издательское дело стало инструментом пропаганды.

Во второй половине XIX века государство ослабило свою монополию на книгопечатание, а затем и цензуру — особенно после британской оккупации Египта 1882 года. У высших слоев общества были возможности и желание вкладывать средства в печатные медиа. К 1900 году издавался целый скоп журналов — политических, социальных и феминистских: какие-то выпускались ради просвещения, какие-то — ради выгоды, какие-то — и для того, и для другого. Газеты и периодические издания публиковали речи, манифесты и романы, последние сначала выходили по частям, а потом — целой книгой. Далее последовали несколько десятков лет успешной и плодотворной работы египетских мастеров слова.

Но после революции 1952 года все изменилось. Когда в 1956 году Насер занял пост президента (будучи единственным кандидатом в избирательном бюллетене), он запустил целый ряд политических инициатив, изменивших египетскую действительность: стало во много раз легче получить жилье, образование и медицинскую помощь; но также были

⁶ Beau lac (франц.) — красивое озеро. — *Прим. пер.*

лишены гражданства и депортированы множество иностранцев; был создан бюрократический аппарат на манер британского; были урезаны гражданские свободы; страна на десятки лет попала под управление военных. К началу 1960-х годов Насер обязал книжную индустрию публиковать тексты, пропагандирующие новые социалистические идеалы Египта и более ширококомасштабную идею арабского национализма. Но его режиму не хватало инфраструктуры, способной воплотить этот замысел. К 1966 году издательства столкнулись с прогрессирующей убыточностью, и под девизом «по книге каждые шесть часов» они наводняли свои склады никому не нужными томами. Книги печатались на низкокачественной бумаге. Обложки были хлипкими и легко отрывались. Литературных агентов, списков бестселлеров и отделов маркетинга не существовало вовсе. О том, что такое автограф-сессия или презентация книги, никто и слыхом не слыхивал. Книги доставлялись из издательства стопками, перевязанными тесемкой так крепко, что на обложках оставались порезы, или в картонных коробках, в которых до этого перевозили пачки сигарет. Вот в таких условиях мы с Хинд и Нихал вышли на рынок. Не дрогнув, мы начали работать с этим хаосом — и против него.

Еще до того, как мы открыли магазин на Замалеке, практичная Хинд систематически отмечала и анализировала каждое возможное затруднение. Вокруг нас бушевал реформаторский оптимизм. Новое инвестиционное законодательство оживило фондовую биржу. Большое число египтян, получивших образование за рубежом, вернулось назад, исполненные решимости изменить будущее своей страны. Мы находились на рубеже художественного и культурного возрождения — несмотря на то что у нас еще не было основных современных удобств. Таких как книжные магазины.

Хинд помогла нам выплыть на этой волне, решая проблемы быстро и на ранней стадии. Она ходила по другим

магазинам и издательствам; отмечала, как организована их работа, и задавала нужные вопросы. Во время таких вылазок она прикидывалась хрупкой, робкой и безобидной. Владельцы предприятий отвечали ей со скептицизмом, иногда в назидательной манере, но она оставалась невозмутимой. В разговоре с одним руководителем издательства она выяснила, что очень мало какие местные книги имеют на обложке ISBN (Международный стандартный книжный номер (англ. International Standard Book Number)). В Египте присваивать изданиям ISBN могли только государственные библиотеки, и делали они это лишь в том случае, если книга не была антиправительственной. Независимые издательства изобретательно обходили цензуру, вовсе обходясь без ISBN или «заимствуя» ISBN у опубликованных ранее книг. Порой египетские авторы издавались в других странах. Поскольку на обложках не было этого номера, в процессе выставления счетов, отправки и слежения за транспортировкой книг происходили серьезные ошибки. Составлять списки национальных бестселлеров было невозможно. Хинд приняла это чудовищное откровение со свойственной ей выдержкой. Она создала такое руководство по транслитерации имен авторов и названий книг для внесения их в нашу англоязычную компьютерную систему, которое охватывало все возможные сочетания букв. Используя ее фонетическую систему, мы смогли генерировать внутренние коды для наших арабских книг.

Затем она шагнула в область неизведанного: в данные о продажах. В книжных магазинах Египта традиционно заполняли вручную бухгалтерские книги и выдавали написанные от руки чеки. Никто точно не знал, сколько чего продает, поэтому и не умел правильно подбирать ассортимент. А те, кто все же вел учет продаж, держал его в секрете. Хинд пренебрегла этим обычаем, начав сводить все данные воедино и публиковать списки бестселлеров Diwan, что

спровоцировало конкуренцию между издательствами и авторами и помогло знакомить читателей с новыми книгами. И это было только начало. Я никогда не знала, что еще Хинд замышляет, пока она с успехом не реализовывала свой план. Мы обе были убеждены в том, что лучше сначала сделать, а потом рассказать.

Чахлая каирская книготорговая индустрия воспитала два основных типа читателей: тех, кто смирился с нездоровой системой, и тех, кто, как Хинд, Нихал и я, мечтал об альтернативных вариантах. У посетителей *Diwan* было множество мнений и предубеждений относительно книжных магазинов. И нам нужно было уметь распознавать, а порой и рушить их установки. Бывалые читатели чувствовали себя здесь как рыба в воде: покупали новые и продавали старые книги, советовали новинки и участвовали в дискуссиях. Они лично выходили на нас, владелиц, чтобы обсудить недочеты в обслуживании клиентов и передать нам свои жалобы. Они желали, чтобы *Diwan* преуспевала и соответствовала собственным стандартам. Я по сей день получаю электронные письма и сообщения в соцсетях от покупателей, недовольных задержками в доставке и какими-то другими моментами. Некоторые до сих пор хотят, чтобы кто-то из партнеров-основателей лично следил за продажами.

Другие приходили к нам не с такими добрыми намерениями.

Типичный разговор происходил так. «Я хочу поговорить с владельцем», — говорил покупатель, направляясь прямоком к Нихал, Хинд или ко мне.

— Я одна из них, — отвечала Нихал или Хинд. Я всегда старалась отойти в тень и заняться каким-то внезапно возникшим срочным делом.

— Я хочу вернуть эту книгу.

— Очень жаль. С ней что-то не так?

— Я купил ее. Прочитал. Она мне не понравилась. Верните мне деньги.

Далее диалог варьировался в зависимости от того, кто выступал в роли ответчика. Нихал всегда кивала, давая покупателю понять, что внимательно его слушает. Она мягко объясняла, что Diwan не библиотека. Зачастую покупатель отвечал на это, что мы как раз таки должны работать как библиотека. Мол, культура — общественное достояние, не так ли? На этой стадии я теряла самообладание и вклинивалась в разговор, говоря, что именно из-за этих вот допотопных убеждений Египет и стал таким, как сейчас, — и только после целого ряда подобных столкновений я наконец научилась держать язык за зубами. Нихал осторожно указывала на то, что в городе достаточно государственных библиотек, способных удовлетворить потребности покупателя, и выражала сожаление, что Diwan не работает по той же модели. Если же клиент попадал на Хинд, то она, с присущей ей любовью к абсурду, вступала в пространную дискуссию, чтобы испытать на прочность логические способности своего собеседника. Сохраняя уважительный тон и стремясь выглядеть наивной, она крушила его аргументы с ловкостью опытного спорщика. Если разговор затягивался, она смотрела на часы и вежливо откланивалась. Хинд самый непунктуальный человек, которого я знаю. Но, как и в нашей матери, в ней есть спокойная безжалостность и способность вежливо избавиться от человека, до которого ей больше нет дела.

Другие посетители были добрее, хотя тоже с трудом осваивали эту неведомую территорию. Они восхищались ясностью, шепетильным вниманием к деталям, декором, штатом сотрудников, но потом упирались в тот же вопрос: почему это магазин, а не библиотека? Хинд, Нихал и я, которые всегда присутствовали в торговом зале, объясняли, что библиотека, выдающая книги бесплатно, не может покрыть

расходы на аренду, зарплаты, униформу, налоги и все прочие вещи, с которыми приходится иметь дело малому бизнесу. Когда нас в очередной раз спрашивали, имеет ли Diwan отношение к инициативе госпожи Мубарак по борьбе с безграмотностью, мы отвечали, что никак не связаны с первой леди или правительством — это частное предприятие. И нам с удивлением отвечали: какой нормальный человек станет вкладывать деньги в такое убыточное дело, как книготорговля?

Еще до того, как мы открыли Diwan, нам приходилось сталкиваться с неверием в наш замысел. На стадии подготовки Али, муж Нихал и один из наших соучредителей, предложил проинтервьюировать писателей, спросив их, откуда они берут идеи для своих книг. Выпускник Deutsche Evangelische Oberschule, одной из немецких школ Каира, Али был увлеченным читателем и компанейским человеком, способным заразительно смеяться. Меня поражало его умение заводить и поддерживать дружбу с людьми, разделенными с ним поколениями, континентами и идеологиями. И вот однажды мы отправились с ним на встречу с одним из самых выдающихся египетских журналистов. Выслушав нашу с Хинд презентацию проекта, он оглядел нас с головы до ног, а затем вынес свой вердикт: мы буржуазные домохозяйки и просто зря тратим свои время и деньги. С тех пор как в Египте исчез средний класс, никто здесь больше ничего не читает.

— Неужели все, что финансово невыгодно, вообще не имеет права на существование? — спросила я журналиста. — Правительства поддерживают общественные пространства, такие как парки, музеи, библиотеки, чтобы повысить культурное благополучие нации. Почему же вы считаете, что отдельный человек, который хочет взять на себя эту же миссию, обречен на провал?

— Вы молодые женщины, слабо знакомые с этим миром. Я говорю с вами как с собственными детьми. Я хочу убедить вас от разочарования. Вы не представляете, как трудно вам будет вести свой бизнес, тем более если он будет связан с книгами. Ваши поставщики и клиенты съедят вас заживо.

Мне было обидно не столько за себя, хотя и это тоже, сколько за Египет. Что будет со страной, для которой дамбы и шоссе гораздо важнее культурных проектов? Впрочем, ответ был и так очевиден. Наши музеи уже превратились в кладбища, мертвые зоны, посвященные деяниям горстки сильных мира сего. В школьных учебниках — отголоски все той же лжи и следы тех же умолчаний. Парки урезались по мере того, как росли траты на их содержание. По мнению журналиста, культура стала делом элит, а остальным людям, с трудом удерживающимся над чертой бедности, просто не до книг. И нельзя сказать, что он был неправ. Но нам нужно было верить в свой магазин и свои книги. Если мы, египтяне, совсем забудем о том, кем мы были в прошлом, то и не узнаем, кем можем стать в будущем.

Diwan возникла на этом культурном фоне и прочно обосновалась на перекрестке прошлого и настоящего. Наше кафе Нихал оформила соответствующим образом: она перенесла в суматоху Каира дух уютных чайных из Киберона в Западной Франции, где проводила раньше каждое лето. К эстетике пространства она подошла с характерной для нее добросовестностью, поставив к столикам с мраморными столешницами стулья из дерева и хрома. Стулья были компромиссным решением: изначально она хотела установить более удобные сиденья, но Хинд рассудила, что это сократит оборот клиентов. На одной стороне меню были перечислены разные виды капучино, турецкого кофе и травяных чаев из ромашки, гибискуса, корицы и мяты, на другой — сырны паштеты, пицца

на пышном тесте, морковный кекс, брауни и печенье с шоколадной крошкой. Ножи и вилки, обернутые в салфетки с логотипом Diwan, стояли наготове. Хасан, наш главный официант, был суданским беженцем и заикой и часто срывался на клиентов, оттого что они не понимают его речь. Но Нихал ценила его за чудесную улыбку, а также за неукоснительную приверженность санитарным нормам. Первое время ей приходилось утихомиривать то самого Хасана, то клиентов, но вскоре наши посетители привыкли к Хасану, а Хасан научился яснее выражать свои мысли.

Нихал всегда умела посредничать между людьми и делала это элегантно и непринужденно: хотя она была младшей из трех сестер, но почему-то выросла наиболее снисходительной и по-матерински заботливой. Я все ждала, когда же возникнет ситуация, которую Нихал не сможет разрешить, — и жду до сих пор. Она единственный знакомый мне человек, который может поститься весь месяц Рамадан и ни разу не пожаловаться. Мы то и дело ругаемся с ней вот уже двадцать лет и двадцать лет каждый раз друг друга прощаем.

Благодаря своему характеру Нихал была как нельзя лучше приспособлена к тому многообразию эксцентричных персонажей и манер поведения, которые встречались в стенах нашего на первый взгляд скромного кафе. Как и большинство подобных мест, оно имело собственный нрав, неподвластный нашим замыслам. Помню, как получала лицензию на Diwan. Я сказала чиновнику в муниципалитете, что мы будем продавать книги, фильмы, музыку и канцелярские принадлежности, а еще у нас будет кафе. Он бросил на меня пустой взгляд. «Так нельзя», — сухо ответил он, не поднимая головы от лежащего на столе бланка.

— Почему? — спросила я с вызовом, стараясь при этом выглядеть наивной и надеясь, что он вступит со мной в диалог.

— Предприятие может получить лицензию только на один вид деятельности. Нельзя быть и банком, и школой. Выберите что-то одно.

— Разве я не могу днем быть учительницей, а вечером исполнять танец живота? — спросила я.

Он холодно улыбнулся. «Кто замыслил два дела, тот лжец», — процитировал он известную поговорку, чтобы положить конец нашей дискуссии.

— А мы — книжный магазин, — заявила я.

Он вздохнул, заполнил последнюю строку бланка, поставил бледную синюю печать и отдал документ мне, так ни разу не оторвав взгляд от лежащего перед ним бланка следующего посетителя. Я не стала высказывать свое последнее возражение: мы книжный магазин, где люди будут не только тратить деньги, но и проводить время.

Жестокая ирония состоит в том, что как раз тогда, когда во второй половине XX века у египтян стало появляться больше свободного времени, число общественных мест, предназначенных для досуга, начало сокращаться. Городская застройка стала покушаться на городские парки. Набережные и кафе на берегах Нила превращались в частные клубы для армейских офицеров и государственных синдикатов. Публичная сфера — эту теоретическую концепцию предложил немецкий философ Юрген Хабермас — переживала переходный период. Публичная сфера, по Хабермасу, — это общественные пространства, в которых люди собираются для того, чтобы обмениваться идеями; это места, где частные лица вступают в коллектив. Этот термин подтолкнул социолога Рея Ольденбурга к созданию теории «третьего места» (которое следует за первым местом — домом и вторым — работой). Третье место — это пространство, где создаются сообщества, и, по определению Ольденбурга, к ним относятся и кафе — такие как наше.

В Египте третьим местом для мужчин были мечети, мужские парикмахерские и *ахвы* — кафе, где они курили кальян, играли в нарды и домино, слушали радио и смотрели телевизор, — а мир проходил мимо; у молодых мужчин были их спортивные клубы, а у женщин — только их дома, которые редко принадлежали им самим.

Мужчин определяет то, чем они занимаются, а женщин — их личные отношения и связи. Возьмем, к примеру, Аду Лавлейс. Хотя она была выдающимся математиком и изобрела алгоритм для вычислительных машин, она больше всего известна как дочь Байрона. Через несколько лет после открытия магазина покупатели, друзья и знакомые начали называть меня «Госпожа Diwan». Я проводила в магазине все свое время. Он мне снился ночами. Почти каждое утро, в восемь часов, я уже сидела за своим столом, а уходила поздно вечером. Я хотела застать и утреннюю, и вечернюю смены, а также дать понять сотрудникам главного офиса, что буду на своем месте и тогда, когда они приходят на работу, и тогда, когда уходят. И даже если я отсутствовала, то все равно думала о Diwan. Моя личность действительно постепенно стала неотделимой от магазина — до такой степени, что мои отношения с Номером Один оказались под угрозой, но об этом позже. И все же меня задевало то, что даже в моем прозвище Diwan выступает как бы в роли «мужа», а я оказываюсь в подчинении у моего собственного творения.

Книжный магазин — это одновременно и уединенное, и общественное место, в котором мы скрываемся от внешнего мира, но вместе с тем входим с ним в более близкий контакт. В нашем кафе это противоречие чувствовалось особенно остро: здесь люди встречались со своими друзьями и просиживали часы напролет (несмотря на не самые удобные стулья), а я нередко приводила сюда дочерей в выходные.

Это место было похоже на дом, но не было домом. До Diwan все это помещение занимал пропитанный тестостероном тренажерный зал, называвшийся дворцом спорта. В том, что вместо этого храма маскулинности появился книжный магазин с владелицами-женщинами, ощущалась приятная ирония.

Хинд и я выросли в мире, который постоянно куда-то нас не впускал: он не принадлежал нам и не давал ощущения, что мы принадлежим к нему. В детстве мы почти каждое утро выходили из квартиры в семь тридцать и шли по безмолвному мраморному коридору к лифтам. Я давила на кнопку вызова лифта по несколько раз — от нетерпения и неуверенности в том, что лифт принял мой запрос. Я ненавидела стальную параллелепипед с неоновыми светильниками — им заменили оригинальную деревянную кабину компании Schindler с миниатюрной складной банкеткой и куполообразными плафонами из бронзы и хрусталя, — но спускаться четыре пролета по мрамору, покрытому мыльной водой после утренней уборки, было бы опрометчиво. О прибытии лифта сообщал звук, похожий на сигналы какого-то больничного оборудования. И почти каждое утро, когда дверь отъезжала вправо, за ней оказывался один и тот же сосед сверху: пожилой мужчина с сигаретой во рту. Мы входили в эту матово-серебряную кабину, заполненную клубами дыма, и в знак протеста задерживали дыхание. Если бы я была мужчиной, затушил бы он сигарету в тот же миг, как я появилась за дверями? Лифт, слегка подпрыгнув, останавливался на нижнем этаже. Как только двери открывались, мы выскакивали наружу, подальше от очередного облака табачного дыма.

Помню одну нравоучительную беседу, которая состоялась у меня с отцом, когда я была подростком. После какого-то давно позабытого недоразумения я пожаловалась ему на этот мир, который, как я уже начинала понимать, все время

указывает женщине ее место. Он же напомнил мне о том, каким будет грядущий мир: в мусульманском раю благочестивым мужчинам будут дарованы красивые девственницы-гурии.

— Это мир мужчин. Измени его, когда сможешь, но до тех пор научись жить по его законам, — довольно резко сказал отец, продемонстрировав сугубо прагматический взгляд на ситуацию.

— Почему райские блага предназначаются исключительно для мужчин? Зачем мне вести праведный образ жизни, если в итоге мне достанется всего лишь кучка девственниц? — закричала я.

— Ты не целевая аудитория, — сказал отец, посмеявшись над той картиной, которую я вообразила.

— У божьего бестселлера полмира оказались просто невольными слушателями — вот в чем проблема.

— Ты, как обычно, неправильно определила проблему. — Он посадил на кончик носа свои прямоугольные очки и продолжил читать газету, бросив мне последнюю фразу: — Возможно, когда-нибудь ты продвинешь другие бестселлеры.

Мы решили сделать *Diwan* местом, которое бы обслуживало нас, а не местом, которое бы обслуживали мы. Вскоре и другие женщины стали видеть в *Diwan* свою тихую гавань: дом, в котором нет домашних обязанностей; общественное место, не так нагруженное требованиями к поведению женщины, как другие общественные места, где нам все время напоминают о том, что нас не существует. Общественные туалеты в Египте были, как правило, только при мечетях и церквях. Других вариантов государство почти никогда не предлагало. Мужчины спокойно мочились под эстакадами и у стен домов. А женские туалеты в общественных местах представляли собой невыносимо вонючие дыры в полу, залитом водой из неплотно закрученных кранов. Мыла и туалетной бумаги

в них отродясь не бывало, и никто даже не рассчитывал их там обнаружить. Именно поэтому у Diwan появилась целая категория посетительниц, которые приходили к нам не за книгами, а за тем, что скрывалось в конце лабиринта из коридоров: благодаря нам у них появился спасительный туалет на улице Двадцать шестого июля. Мало у каких магазинов были удобства, а если и были, владельцы не были настроены ими делиться. Diwan была великодушнее. А кафе с его словно укрепленными слоем книг стенами стало импровизированным барьером между женщинами и их обидчиками — мужчинами, которые знали, что мы, хозяйки Diwan, не потерпим их нападок.

Кафе Diwan служило самым разным целям и принимало самых разных посетителей. Заядлые читатели просматривали здесь стопки отложенных ими книг, чтобы окончательно сделать выбор перед покупкой. Кто-то приходил, чтобы просто дать себе передышку в течение дня, а кто-то назначал наше кафе местом сбора и встречался здесь со старыми друзьями или со знакомыми, которых не хотел принимать у себя дома. За нашими мраморными столиками проходили теневые экономические операции: астрологи и гадалки составляли своим клиентам натальные карты и предсказывали судьбы, а по соседству частные преподаватели давали уроки своим нерадивым ученикам.

— Она опять сидит за тем же столиком. За четыре часа выпила чашку турецкого кофе и бутылку воды, — однажды сказала нам Нихал с легким раздражением.

— А книги какие-нибудь купила? — спросила Хинд.

— Нет. Она приходит сюда только ради своих занятий. Из-за таких, как она, нам не хватает места для покупателей.

— Отдел по работе с клиентами предложил установить минимальную сумму заказа, — осторожно начала я.

— Ну уж нет! Нельзя требовать с людей деньги за то, что они сидят в месте, которое ради этого и создавалось, — сказала Нихал, с ужасом вытаращив глаза.

— Ну мы же не можем брать комиссию с ее уроков. Какие еще остаются варианты?

— Ты все для этого сделала. Вот *они* и пришли. Сделай напитки более дорогими, а стулья менее удобными, или музыку погромче включи. Придумай, как навязать им свою бизнес-модель, — резко сказала Хинд и отправилась к стенду с арабской литературой. Я отвела глаза, чтобы избежать жалобного взгляда Нихал. Я, фанатично стремившаяся контролировать ситуацию в нашем заведении, прекрасно понимала ее: как настоять на том, чтобы место использовалось по предполагаемому назначению, но не выдворять при этом людей, которые его уже облюбовали?

Одна молодая посетительница приходила к нам в кафе почти каждый вечер. наших книг она практически никогда не читала — вместо этого она сидела и строчила что-то в блокноте с кожаной обложкой. Мне было любопытно, чем она занимается днем. Про себя я называла ее «Павлова» из-за того изящества, что обычно присуще балеринам. Волосы у нее были обычно собраны в пучок, но иногда она их распускала. А взгляд у нее всегда был отсутствующий, будто душа покинула свое вместилище и пребывает где-то очень далеко. Общались мы с ней исключительно вежливыми кивками.

— Помните эту девушку, которая сидит у нас тут в кафе, эту вашу балерину? — сказала мне однажды, поджав губы, Шахира — одна из наших самых первых и самых долго работающих менеджеров. Эта дерзкая молодая женщина при всей внешней хрупкости была сильной личностью. До нее в магазине на Замалекке мы не раз сталкивались с менеджерами, которые бросали работу через пару недель после того, как их наняли, потому что были не в состоянии одновременно

справляться со штатом сотрудников, покупателями и каирскими кутилами. Но Шахире все было по плечу.

— Да, конечно. Она чем-то недовольна? — спросила я, положив очки на стол и приготовившись идти к ней с извинениями.

— Нет. Один уборщик жалуется, что она не носит нижнего белья, поэтому ему приходится видеть то, на что он совсем не собирался смотреть. Судя по всему, улица Двадцать шестого июля — это ее место работы, а кафе *Diwan* — новая точка для отлова клиентов.

— Не может этого быть, — сказала я с запинкой, на мгновение представив себе все то многообразие странных личностей, которые воспринимали наше кафе как свою гостиную.

— Я послежу за ней и потом расскажу. Если это правда, нужно положить этому конец, — сказала Шахира.

Мне хотелось, чтобы это оказалось неправдой. Если правда — мне очень не хотелось вмешиваться. «Павлова» продолжала приходить в *Diwan*, но наши вежливые кивки стали суше. С каждым ее приходом сотрудники шептались все громче. За несколько дней Шахира попила чаю и посплетничала с владельцами нескольких соседних магазинов, собирая сведения о том, с кем и при каких обстоятельствах они видели «Павлову». Каждая такая история лишь подтверждала ее догадки. Узнав окончательный вердикт, я ненадолго отложила решительные действия и дождалась такого вечера, когда торговля шла не очень бойко и в кафе было минимум народу. Наконец я подошла к столику «Павловой». Она подняла на меня глаза. Я открыла рот, еще не до конца понимая, как продемонстрировать ей свою осведомленность.

— Мне передали, что вам не нравится наш кофе. Может, какое-нибудь из соседних кафе подойдет вам больше? — сказала я с вежливой улыбкой.

— Это какая-то ошибка. Мне здесь все нравится, — она не улыбнулась в ответ.

Я замешкалась, но потом слова хлынули из меня сами.

— Я не хочу вас обидеть. Мы все зарабатываем себе на хлеб, и к любой работе надо относиться с уважением. Но не могли бы вы, пожалуйста, вести свои дела в каком-то другом месте? Мы не будем вас пускать. Пожалуйста, не приходите больше, — я развернулась и ушла, не желая видеть ее реакцию.

На следующее утро Шахира спросила меня, как все прошло. Я сказала, что, поскольку наши сотрудники слишком много сплетничали, до нее уже должны были дойти слухи. Шахира не выказала никаких эмоций на этот счет, поэтому я все же передала ей свой диалог с «Павловой».

— Почему вы чувствуете себя виноватой? Это она злоупотребляла нашим гостеприимством.

Думаю, когда «Павлова» была маленькой девочкой, она вряд ли смотрела в небо и мечтала о том, что, когда вырастет, будет работать на улице Двадцать шестого июля. Мы разрешали людям предоставлять в нашем кафе другие услуги, давать частные уроки, например, но, поскольку «Павлова» оказывала сексуальные услуги, мы проявили нарочитую строгость. Правильно ли было выступать в роли моральных судей? Я задумалась о том третьем месте, которое мы создали, — общественном месте, где люди взаимодействуют друг с другом на сугубо частном уровне. В книгах, жестах, кофейных чашках и чайных листьях мы все искали себя, друг друга и средства к существованию. Спустя несколько дней по дороге домой я увидела «Павлову» в окне на втором этаже одного кафе по соседству. Она покачивала ногами под свободной юбкой в оборках.

Кафе Diwan служило нам офисом, пока мы не смогли позволить себе настоящий офис. Когда Хинд, Нихал и я не задыхались

по очереди в дальней комнатухе (в прошлом — сауне дворца спорта), приклеивая к книгам ценники, мы курсировали по торговому залу: следили за сотрудниками, проверяли, насколько привлекательно выглядят наши стенды, и старались разрешить маленькие недоразумения до того, как они превратятся в большие неприятности. Думаю, большинство наших посетителей были довольны тем, что мы все время находимся на виду, а не прячемся где-то за закрытой дверью. Но некоторые, привыкнув к тому, что в других книжных магазинах их всегда игнорируют, неверно истолковывали поведение нашего энергичного персонала. Излишне рьяные клиенты настойчиво старались самостоятельно вернуть взятые ими книги на полки — часто не туда, где было их место. Когда наши консультанты просили таких клиентов не утруждать себя этой задачей, те делали вывод, что мы им просто не доверяем, считая их ни на что не способными, или проявляем излишнюю подозрительность. Сидя в кафе, я не раз наблюдала подобные диалоги (еще до того, как открыла для себя все прелести веб-камер и датчиков движения) и порой вмешивалась в них до того, как разгорится спор. Наконец, нам приходилось иметь дело с бедами, вваливающимися прямо через парадную дверь: взыскателями долгов, которые несправедливо утверждали, будто бы уже приходили много раз нас штрафовать, или каким-нибудь клиентом, который обратился в полицию и написал на нас заведомо ложное заявление о неких противоправных действиях, поскольку мы не разрешили ему вернуть книгу. В перерывах между всеми этими хлопотами мы перегруппировывались за своим столиком, пили кофе, проводили совещания и отвечали на письма. И когда нашей маме начинало казаться, что от дочек давно не было вестей, она тоже приходила к нам в кафе, зная, что обязательно найдет там либо одну из тех, кого сама воспитала, либо свою названую дочь Нихал.

Со временем и в результате труда — такого тяжелого труда, что, оглядываясь назад, я сама не понимаю, как нам хватало на него сил, — и с ростом продаж ситуация и в самом магазине, и за его пределами начала меняться. Очень многое случилось за столь короткий срок. Когда Diwan было два года, мне стукнуло тридцать. Впервые за всю свою жизнь и семь лет брака я предложила Номеру Один завести ребенка. Он согласился. Зейн родилась в 2004 году, Лейла — в 2006-м, как раз перед четвертой годовщиной Diwan. Хинд родила своего сына, названного в честь нашего отца Рамзи, в 2005 году. Я не знаю, как мы со всем этим справлялись. Это было невыносимо; мне казалось, что меня разрывают на части.

Но в нашей жизни были маленькие радости и места, которые даровали нам облегчение. В какой-то момент мы смогли позволить себе отдельный офис и сумели набрать лояльную команду, способную выполнять все те бессчетные задачи, которые мы раньше спонтанно делили между собой. На первом этаже дома «Балер» освободилась квартира. Каким-то чудом (чтобы получить лицензию, надо было пройти все круги ада) она уже была лицензирована для использования в качестве офиса. Вход в нее был со двора, а не с главной улицы. С одной стороны от входа стояла деревянная лавка, место сбора балерских привратников; с нее они наблюдали за перемещениями посетителей и на ней судачили обо всех и вся. Эти любители совать нос в чужие дела выполняли целый ряд функций: они были и надежными охранниками, и разнорабочими, и персональными закупщиками, а порой и риелторами. Мы узнали об офисном помещении от главного привратника, Амм Ибрахима⁷, с которым я здоровалась каждое утро. Он говорил на отрывисто звучащем

⁷ «Амм» означает «дядя», но в Египте чаще всего служит обращением к мужчинам более старшего возраста.